
ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСПОВЕДИ В КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

А.Н. Степина

Кафедра русской и зарубежной литературы
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье представлена оригинальная классификация формально-содержательных моделей литературной исповеди, среди которых исповедь-самопознание, исповедь-проповедь, исповедь-автобиография и отличная по цели и структуре исповедь юродивого. Модели рассмотрены на примере древнерусских текстов.

Ключевые слова: исповедь, самопознание, проповедь, автобиография, покаяние.

Определение исповеди как полностью сформированного и обладающего едиными канонами жанра в отношении древнерусских текстов является не совсем уместным. Жанрово-структурные формы литературы этого периода не были строго выраженными и очерченными. Жанр исповеди находился в процессе становления и оформился много позже. Однако его основные продуктивные модели наметились уже в древнерусских памятниках.

Исповедальность характерна для некоторых поучений, молений, хождений, неканонических житий (с ярко выраженным авторским началом). Что же касается традиционных агиографических текстов, которые, казалось бы, являлись благодатной почвой для покаянных вкраплений, оригинальная исповедь в них встречается довольно редко. Причина в строгом соответствии канону и даже некоторой схематичности подобных произведений, не допускающей пространных проповедей и исповедальных монологов. Герой жития всегда являлся для пишущего образцом, его жизнь должна была стать идеалом и для читателя. Сами поступки житийного персонажа — уже доказательство святости. Поэтому психологическая характеристика в таких текстах необязательна.

Попробуем выделить несколько основных продуктивных моделей литературной исповеди, получивших развитие в древнерусских памятниках с ярко выраженным личностным началом, наличие которого уже означало выход за рамки традиционалистского канона.

Исповедь-самопознание (самооправдание, самовыражение)

Искренний монолог героя может быть частично или полностью лишен элемента покаяния. Именно в такой ситуации исповедь превращается в психологический рассказ. Главная особенность исповедальности такого рода — не ожидание суда других, а самооценка. К модели «исповедь-самовыражение» вполне можно отнести «Моление» («Слово» — в другой редакции) Даниила Заточника. В этом тексте происходит ряд подмен: Господь преобразуется в князя-«господина», «раб Божий» — княжеского прислужника. Покаяние как цель традиционной испове-

ди заменяется рассказом о собственной жизни, целью которого является ненадлежащее самовосхваление, описание собственных достоинств.

Исповедь-самовыражение может пойти и по другому пути. Покаяние в подобных текстах весьма часто заменяется самооправданием. Данная ситуация является вполне закономерной. Даже во время религиозного обряда в реальной жизни исповедующийся стремится объяснить священнику, а через него и Богу, причины своего неблагоприятного поступка, оправдывается. Не является исключением и писатель, чей монолог, вложенный в уста героя художественного текста, оставлен на суд читателям, потомкам. Такая исповедь получит распространение уже в период индивидуального творчества, так как основным ее признаком станет погружение во внутренний мир героя, его психологию. В подобной манере выполнена исповедь Ж.-Ж. Руссо, в которой нелюбимые самооценки чередуются с оценками других и самооправданиями.

Истоки эта модель берет еще в неоплатонизме, к которому обращался в предшествующий принятию христианства момент своей жизни еще Августин Блаженный. Суть верования — в ценностном постижении человека и мира на основе самопознания. «...Суд о себе самих — самый компетентный и последний», — пишет о таком способе повествования М.М. Бахтин. Однако в той же работе он замечает, что «только извне может сойти благодать оправдания» [1. С. 132].

Таким образом, в этой модели исповеди «я-для-себя» (определение М.М. Бахтина) — ключевая категория. Самовыражение героя замкнуто на нем самом, а не направлено к определенному адресату. Вполне возможно, что таковой свидетель и имеется в пространстве текста, однако он не наделен значащим голосом и переживанием. Главный судья исповедующегося героя, истина в последней инстанции — это он сам, «изнутри себя самого герой поступает, кается и познает» [1. С. 144].

Исповедь-проповедь

Если понимать под исповедью монолог героя, обращенный к слушателям, читателям, нельзя не отметить назидательную цель, которую преследует покаянное слово. Исповедь, призванная вызвать сопереживание, сочувствие или произнесенная с целью самоанализа, почти всегда содержит элемент проповеди. Даже если такая проповедь не имеет определенных, порой даже обозначенных в тексте адресатов, она предназначена для назидания читателя.

Исходя из наблюдений над древнерусскими текстами, реализующими исповедальные модели, отметим, что поучение является весьма значимой их составляющей. Исповедь автора-героя, вызывающая сочувствие читателя, как правило, представляет собой нравственный урок, призывающий не совершать подобных ошибок — проповедь.

Корень такого родства кроется в семантике слова *исповедь*. Современный исследователь исповеди в литературе Н.А. Богун отмечает: «слова *исповедь* и *исповеданье* в разных языках настолько созвучны и взаимобратимы, что языковая память настойчиво взаимодополняет их друг другом» [2. С. 34].

Действительно, в церковно-славянском языке слово «исповедатися» также имело смысл «возвещать хвалу, воздавать славу». Следовательно, исповедание ве-

ры можно понимать и как открытое, публичное заявление человеком о его нравственных принципах.

Любопытно, что проповедь вполне способна существовать и вне исповедального контекста. Яркие примеры тому — «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и др. В целом подобная форма наиболее продуктивно реализовалась в древнерусском жанре поучения.

Однако даже если в тексте исповеди не содержится открытая проповедь, назидательный элемент все равно остается весьма сильным. В таком случае наставление напрямую адресовано читателю. С этой точки зрения объясняет родство исповеди и проповеди М.С. Уваров: «Проповедь есть передача некоего состояния, внушение нам его. В этого рода текстах... не столько формируется понимаемое самим автором содержание, сколько присутствует желание заразить им своего читателя» [5. С. 71].

Исповедь-автобиография

Их единая историческая и художественная основа — «Исповедь» Августина Блаженного, повествование в которой разворачивается вокруг внутреннего мира героя-автора. Отправной точкой автобиографии Августина, моментом поворота к другой жизни, является духовный кризис, которым и вызвана его исповедь. То есть покаянное слово Августина выводимо из его автобиографии, а автобиография, с другой стороны, является основой исповедального слова.

Саморефлексия отличает автобиографическое повествование от обычного перечисления жизненных событий — собственно биографии. Хотя непосредственно покаяние в автобиографии отнюдь не обязательно. Рассказ о собственных поступках может быть совершенно лишен исповедального тона. Несомненно и то, что автобиографическое повествование далеко от истинности исповедального слова. Сам взгляд на собственные поступки с точки зрения внешних событий и обстоятельств ведет человека скорее к самооправданию, чем к признанию.

Тем не менее, автобиографическое повествование традиционно рассматривается как основа любой исповеди, придающая ей особый смысл, вписывающая покаяние героя в определенный временной и пространственный контекст. Исповеди зачастую создаются уже в довольно зрелом возрасте, когда накоплен достаточный жизненный опыт. Написание исповеди знаменует собой подведение определенных итогов, анализ прожитого и совершенного. Примером подобной исповеди стал уникальный для своего времени текст Владимира Мономаха. Подробное описание жизненных событий делает его выдающимся памятником, отличным от традиционных дидактических повествований.

Уникально то, что практические поучения князя проливают реальный свет на историю мирской жизни Руси, увиденной им не только глазами монарха, но и основанные на военном опыте и административных заботах. Следующей в ряду автобиографий, не считая некоторых фрагментов переписки Ивана Грозного с Курбским, будет лишь «Житие» протопопа Аввакума в далеком от Киевской Руси XVII в. Хотя собственно автобиография — термин вряд ли применимый для древнерусского текста. Мономах создавал летопись собственной жизни, опираясь

на традиции исторического летописания. Однако в его тексте есть нечто большее, чем простое перечисление жизненных событий — это присутствие личности автора, его искренний рассказ, который и позволяет предположить в летописи Мономаха уникальную форму светской исповеди.

Таким образом, исповедь и автобиография сосуществуют как взаимодополняющие друг друга типы самовысказывания. Подтверждение этому — событийность исповеди, которая обычно включает в себя широкий автобиографический контекст. В то же время и исповедальное слово может присутствовать в тексте как элемент автобиографии (например, «Почтение» Владимира Мономаха) или как ее основа (например, «Исповедь» Августина Блаженного»). При органичном взаимодействии в пределах художественного текста один из этих типов, как правило, наиболее акцентирован.

Конечно, подобное сближение жанров обусловлено, в первую очередь, близостью автора и героя автобиографического текста. На это родство указывал М.М. Бахтин: «...Автор в биографии наиболее близок к герою ее, они как бы могут обменяться местами... (отсюда возможность персонального совпадения в жизни, т.е. автобиографичность» [1. С. 217].

Первым и основным признаком, согласно которому можно отделить любую модификацию исповедального монолога от рассказа героя или автобиографии (пересечение с ней, тем не менее, неизбежно), является его смысловое и эмоциональное наполнение. Покаяние в грехах показывает лишь нелицеприятные поступки человека. По традиции христианской исповеди, герой художественного текста открывает лишь поступки, требующие покаяния. Именно эти фрагменты можно квалифицировать как собственно исповедальные. В целом же литературная исповедь, как правило, более обширна. Наряду с рассказом о прегрешениях она включает детальные подробности жизни человека, ситуации, связанные с переломными моментами в его биографии.

Говоря об исповеди, нельзя не остановиться на еще одной, возможно, периферийной модели, характерной для христианской религиозной культуры, — **исповеди юродивого**. Направленную на воссоединение, обретение гармонии с Богом и социумом традиционную исповедь можно противопоставить этому особому способу покаяния. Исповедь юродивого — это внешне борьба с любым встречающимся на его пути человеком, а в более глубинном разрезе — с его грехом. Юродивый противопоставляет себя остальным, чтобы перестать быть безмолвным свидетелем прегрешений. Именно эта дистанция дает ему право голоса, превращает в гневного обличителя.

Своеобразен и способ, которым юродивый вызывает человека к проявлению чувств — это его собственная исповедь. Она похожа на нарочитое и иногда весьма нелицеприятное самобичевание, она не имеет ничего общего со стыдом или скрытностью, не является вербальным покаянием. Юродивому не в чем каяться, он открыт людям, чист душой и нагой телом. К покаянию призывают его поступки. Порой они оказываются за гранью общепринятой морали. Василий Блаженный, к примеру, ходил нагим, в том числе таким образом проявляя свое презрение к мирской суете. О нижегородском юродивом Афанасии писал протопоп Аввакум,

который и сам прибежал к юродству: «До иночества бродил босиком и зиму и лето... Плакать зело же был охотник...» [4. С. 392].

Нагота юродивого двусмысленна. С одной стороны — это ангельский символ души, с другой — соблазн, безнравственность, олицетворение бесовства. Он не гнушается ругательств, иногда даже непристойного поведения. Это и есть образ его жизни. Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи сильных и слабых, не обращая внимания на общественные приличия. Такой способ — хулу — можно рассматривать как своеобразный минус-прием — исповедь-наизнанку.

Необходимо отметить, что функционирование описанных моделей в художественном тексте в чистом виде — довольно редкое явление. Как правило, они сосуществуют в пределах покаянного рассказа автора-героя, целью которого является самовыражение и назидание, а также стремление подвести итог прожитому и передать свое выстраданное знание современникам и потомкам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Собрание сочинений в 7 т.* — М.: Институт мировой литературы им. М. Горького РАН; изд. Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. — Т. 1.
- [2] *Богун Н.А.* Исповедь и исповеданье // *сборник материалов международной конференции «Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова».* — СПб.: С-Петербург. отделение Ин-та человека РАН, 1997.
- [3] *Памятники литературы Древней Руси XII век.* — М.: Художественная литература, 1980.
- [4] *Панченко А.М.* Русская история и культура: Работы разных лет. — СПб.: Юна, 1999.
- [5] *Уваров М.С.* Архитектоника исповедального слова. — СПб.: Алетейя, 1998.

FORMAL AND CONTENT MODEL OF LITERARY CONFESSION IN OLD RUSSIAN LITERATURE

A.N. Stepina

The Department of Russian and Foreign Literature
Philological Faculty
Russian People's Friendship University
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article presents an original classification of formal and substantive models of literary confession, including confession as self-determination, confession-preaching, confession-autobiography. The article also tells about the fool in Christ's confession, which has a different purpose and structure. Models are presented as an example of Old Russia literature.

Key words: confession, self-determination, sermon, autobiography, repentance.